

Б.Н. Алмазов

Социальное отчуждение

Психолого-педагогический аспект

Дата Сквер

Борис Алмазов

**Психология социального
отчуждения**

Книготорговая компания «Галактика»

2009

УДК 316.6.-058.5
ББК 88.5

Алмазов Б. Н.

Психология социального отчуждения / Б. Н. Алмазов —
Книготорговая компания «Галактика», 2009

ISBN 978-5-91772-006-7

Все мы сталкивались с проблемой социального отчуждения на примерах других людей – коллег, друзей, близких, а кто-то из нас испытал всё это и на себе. Первая попытка адаптации ребенка в детском саду, переход из одной школы в другую и связанные с этим трудности приспособления к новой среде общения, трудности в обучении... Далеко не каждый человек может пройти через эти испытания безболезненно, некоторые люди становятся изгоями коллектива, часть из них превращается в аутсайдеров уже с детства. Корни этих проблем необходимо искать в семейном и школьном воспитании. Книга «Социальное отчуждение» не только объясняет причины возникновения проблем у так называемых «аутсайдеров» или «изгоев» (а по сути людей с различными особенностями психики и восприятия действительности), но и дает практические рекомендации по выявлению и исправлению проблем адаптации детей и взрослых в обществе. Книга, безусловно, будет с интересом воспринята родителями, учителями, воспитателями, школьными психологами и педагогами. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 316.6.-058.5

ББК 88.5

ISBN 978-5-91772-006-7

© Алмазов Б. Н., 2009

© Книготорговая компания
«Галактика», 2009

Содержание

Вступление	7
Глава 1. Социальное отчуждение и развитие личности	9
Социальное отчуждение как феномен общественной жизни	9
Социальное отчуждение и онтогенез личности	17
Возраст тотального отождествления	17
Возраст тотального отчуждения	25
Возраст избирательного отчуждения	29
Глава 2. Социальное отчуждение и патогенез	32
Иначе мыслящие	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Борис Николаевич Алмазов
Психология социального отчуждения

© Алмазов Б.Н., 2009

© Оформление Дата Сквер, 2009

Вступление

Индивид обособляется от порождающих его духовную жизнь сил, что и приводит к личности как таковой.

А. Яковлев

В определенном смысле вся история человечества, если на нее смотреть через призму личностного развития, представляется как процесс постепенного овладения человеком навыков социального отчуждения. Как заметил А. Герцен, *абсолютное отождествление с социальной средой (как это принято говорить в наши дни) возможно лишь при полном отсутствии ума*. «Счастливы мира обитатели только личностью своей» – цитирует К. Юнг стихотворение Гете в своей книге «О становлении личности». Скорее всего, это некое специфическое качество «homo sociabilis», отсутствующее у иных живых существ, живущих в социуме (стаде, колонии, стае). Но его не должно быть слишком много, ибо *«потеряв свое место в замкнутом мире, человек перестает находить ответ на вопрос о смысле жизни, в результате чего он начинает испытывать сомнения в себе самом»* (по Э. Фромму). То, что А. В. Луначарский называл «стадным инстинктом – по большому счету основой любой морали», должно быть противовесом от излишнего индивидуализма (добровольного или навязанного). Их баланс и называется «гармоничным личностным развитием». В отличие от «девиантного», когда человека отчуждают вопреки его стремлению к отождествлению. Особенно в детстве.

У каждого из нас (взрослых) из-за не очень качественного воспитания остаются недоразвиты кое-какие социальные потребности. Такова реальность. Мы более или менее удачно компенсируем свои комплексы, вынесенные из детства, или хотя бы прикрываем их социальными навыками, работая над собой в течение жизни. Кому как удается. Но у некоторых утраты были слишком велики, и стремления, побуждающие двигаться в ногу с обществом и соответствовать ожиданиям культуры, атрофируются слишком рано. Оставаясь на обочине жизни, повзрослевшие люди «маргинальной ориентации» без зависти и сожаления смотрят на ускользающие от них социальные перспективы. Они становятся балластом, заботой общества, когда то, в свою очередь, считает себя ответственным за социальную справедливость.

В разные времена проблема социального устройства «неприспособленных» решалась в соответствии с возможностями государства и его установками. Так в нашем отечестве до революции забота о них возлагалась на общину, у которой государство забирало в армию лишь «пьянь негодящую» на четверть века муштры и казармы с последующей заботой об «инвалидах». Семья была своеобразным острогом для женщин вне зависимости от надежности их социальных возможностей (которые никто и не брал в расчет). При советской власти уголовная ответственность за тунеядство и бродяжничество оберегала общество от необходимости приравниваться к людям, не желающим «сливаться с обществом, семьей и государством». Теперь мы примеряем европейскую (персоноцентрическую) модель общественного устройства, где бесцеремонное обращение с индивидуальностью не принято. Там пресловутая «свобода умирать под забором» доминирует над «социальной целесообразностью», а гуманизм («богатый делится с бедным по совести») принадлежит не столько государству, сколько обществу. В какой мере у нас привьются эти установки пока сказать трудно, но мысль уже работает. Нынче нас интересует не столько сам факт (безработный, бродяга, нищий), сколько его психология – мировоззрение этих людей, их самочувствие, мотивация поведения. И здесь, когда речь идет не о справедливости на уровне куска хлеба («каждый имеет долю в источниках питания при условии его участия в общественно полезном труде»), а более тонких материях, таких как ценностные ориентации, социальные позиции, личностные установки, без психоло-

гии обойтись невозможно. Мы должны ясно понимать и честно признавать, что общество и государство не в состоянии обеспечить каждому:

- ◆ адаптацию как готовность принимать и выполнять требования среды как личностно значимые смыслы (Ю. Клейберг);
- ◆ идентификацию как готовность включиться в уклад жизни с присущими для нее ценностями (В. Петровский);
- ◆ институализацию как принятие идеалов, на которых строятся правовые институты, в качестве внутренних регуляторов поведения (М. Мид).

И оставить для некоторых, кому это не по силам, возможность не гнаться за официальным статусом, а отступить в мир воображения, во всяком случае, тогда, когда этот мир не враждебен обществу. Ведь известная деперсонализация (по Т. Шибутани) гораздо лучше насильственного приобщения к неприветствующей среде, так как способна примирить человека со многими житейскими неудачами. Придать его basic needs (самосохранения, принадлежности, самоуважения) иной вектор growth во избежание (по А. Маслоу) обостренной перцепции, переоценки себя, повышенной спонтанности, сосредоточенности, сопротивления «окультуриванию», идентификации себя с отрицательными героями и т. п.

Другими словами, обратить отчуждение на пользу человеку, чтобы, не обещая лишнего, окрасить привычный уклад жизни иными тонами, а в ландшафте обыденной жизни изменить, казалось бы, закосневшие пропорции. Легко ли это сделать, вопрос другого сорта.

Мы постарались в самой упрощенной форме (в чем-то даже примитивно) схематизировать маршруты, уводящие человека от общественных интересов, начиная с детского возраста. Естественно, в каждой судьбе предложенные схемы обрастают множеством деталей, тонкостей, нюансов, обид и огорчений, так что поначалу кажется, что именно они и есть главная причина социальной неприспособленности. И хочется оказать помощь и поддержку здесь, сейчас и по конкретному поводу. На какое-то время пресловутый «реальный гуманизм» действительно облегчает ситуацию. Но, как правило, ненадолго. Проблемы девиантного развития личности при этом никуда не деваются. Они остаются, чтобы вызвать эксцессы в другом месте по иному поводу (в медицине есть правило «если гной появился, выпусти его», пока он внутри, наружные процедуры бесполезны). Отчуждение нужно преодолевать в его основе. И если его причины и механизмы удастся вытащить на поверхность самосознания, с остальным личность справится без посторонней помощи.

Если такая задача нам не по силам, а собственного стремления покинуть обочину жизни у человека нет, будучи обязанными работать с ним по своему профессиональному или общественному долгу, мы обязаны ясно видеть границы допустимого вмешательства. Право на существование имеют не враждебные социально и общественно бесполезные люди, уж коли у них есть источники пропитания. Их нужно ограждать от стихийной агрессивности среды.

А она – реальная сила. Перестройка в нашем обществе началась, как известно, с того, что государство, почувствовав прелесть безответственности, сбросило на плечи общества заботы о социально неприспособленных людях (чем мы хуже европейцев!), и клич «убей бомжа» звучал особенно отчетливо среди так называемых неконкурентоспособных подростков, с их «массовым исходом на улицу» из школы, потерявшей к ним какой-либо интерес. Советский строй не подготовил людей к терпимости относительно слабостей другого человека, это факт и никто его не оспаривает, но годы идут, а ситуация не меняется. Должно быть, дело не только в большевиках и марксизме (как они его понимали). Скорее всего, корни нашего равнодушия к общественно бесполезным людям уходят дальше в глубину ментальности национального характера. Так что, примеряя модель общественного устройства, где социальная поддержка опирается на толерантность, гуманизм, синергизм и т. п. народных масс, нам следует составить мнение, в какой мере она годится для нашей почвы. С этого мы и хотим начать книгу.

Глава 1. Социальное отчуждение и развитие личности

Социальное отчуждение как феномен общественной жизни

Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода.

П. Я. Чаадаев

Начать сравнение российской культурной традиции в отношении личности с европейской, по-видимому, следует с момента (периода, эпохи), когда мы не сильно отличались друг от друга. То есть, с общинной организации уклада жизни, который, как известно, формирует и определяет социальная среда с присущими для нее закономерностями взаимодействия человека с обществом и государством.

Согласно историческим канонам прообразом такого строя следует считать Древнюю Иудею, где *«бедные и слабые имели свою долю в источниках пропитания, находящихся во владении отдельных лиц, но единственным собственником которых был Иегова. Равенство состояний удерживалось как норма, раз и навсегда установленной божественной властью. Отношение к труду и высокая его оценка исключали появление социальных недугов»*¹. В дальнейшем общественные отношения усложнились, но стержень оставался неизменным – власть *среды*, которой свойственно:

- ◆ ориентация на лидера;
- ◆ самооценка и общественный статус определяется дистанцией от лидера;
- ◆ аффилиативная идентификация членов группы с лидером²;
- ◆ социальная поддержка своих из жалости и сострадания;
- ◆ общественный способ потребления;
- ◆ враждебность к чужакам («ненависть варвара к чужеземцу»);
- ◆ изгнание как способ наказания.

По мере общественного развития «низовая» община оставалась самоуправляемой единицей, при посредстве которой государство строило свои отношения с народом, разверстывая на нее налоги и повинности и не вмешиваясь в ее внутреннюю жизнь. Правящий слой («аристократия», как его называл А. С. Пушкин) оставался той же общиной, но уровнем выше.

В качестве инструментов (институтов) власти при этом используются:

а) казна с централизованным (редустрибтивным) способом распределения ресурсов; б) трудовая повинность (барщина); в) наследственная передача властных полномочий.

Крепостное уложение закрепило административно-сословный механизм их (институтов) реализации, которому в той или иной форме свойственны:

- ◆ *династии*, распоряжающиеся жизнью подданных;
- ◆ *дворянство* с обязанностью служить династии (служилое сословие), с правом эксплуатировать крепостных, но и удерживать социальную справедливость в определенных рамках;
- ◆ *чиновничество* («дворянство второго сорта»);

---

¹ Благотворительность. Большая энциклопедия: В 20 т. СПб., 1898. Т. 3.

² Термином «аффилиация» в психологии обозначают эмоциональное отождествление себя с окружающими, не требующее рационального обоснования сходства или расхождения вкусов, взглядов, мнений относительно смыслов и значений жизни (вне так называемого когнитивного консонанса).

◆ *церковный приход* с его административными функциями непосредственно в общине (например, запись актов гражданского состояния, начальное образование);

◆ *сельская или цеховая община*.

В своей книге «Николаевская Россия» маркиз де Кюстин приводит слова барина, который объясняет ему суть преимуществ крепостного права словами, прямо-таки списанными с древних свитков. «У них нет никаких забот. Ведь они и их дети обеспечены всем необходимым и потому во стократ меньше достойны сожаления, чем ваши свободные крестьяне».

Было ли в Европе раннего средневековья все так же, как у нас, сейчас сказать трудно (во всяком случае, по тем источникам, которые были мне доступны, можно лишь более или менее уверенно предполагать, что основные принципы общественного устройства совпадали). Одно время европейцы даже увлеклись филантропией за казенный счет, что привело к неимоверному разрастанию «язвы нищенства». Как писал Э. Кречмер, *«прямое истолкование тезиса «блаженны нищие духом» привело к полному видоизменению нормальных масштабов ценностей и тенденциозному предпочтению духовно бедных, голодных и беспризорных при недооценке сильной и здоровой жизненной работы, что воспитало огромное количество общественных паразитов, повлекшее тяжчайшие последствия»*³. М. Фуко в своей работе «Безумие в классическую эпоху» добавляет, что государство было вынуждено применить силу против социально неприспособленных людей (у городских ворот дежурили отряды легковооруженных солдат, отгоняющие бродяг, а приюты очень напоминали тюрьмы). Но это было очень давно.

С того времени Европа прошла школу феодального устройства жизни, тогда как у нас «мрачные тени крепостного уложения» и сегодня не до конца исчезли из правового поля. «Россия никогда не имела ничего общего с остальной Европой и история ее требует другой мысли и формулы, как мысли и формулы, выведенные из истории христианского Запада. Феодализм у нас не было, и тем хуже. Феодализм частность. Аристократия общность. Феодальное семейство одно. Бояре жили при дворе княжеском, не укрепляя своих поместий, не сосредоточиваясь в малом семействе, не враждуя против королей, не подавая помощи городам. Но они были вместе, считались старшинством, об их правах заботились придворные товарищи. Великие князья не имели нужды соединяться с народом, чтобы их усмирить», писал А. С. Пушкин⁴.

В Европе же отчуждение от общинности и переориентация на семью с ее ценностями и смыслами жизни началась в период раннего средневековья. Для народа это означало закрепление имущества во владении с правом распоряжения (частную собственность) Для государства – переход к подушному налогу. Как писал К. Р. Качоровский в своем капитальном труде «Русская община», *«общинные и частно-семейные или личные отношения находятся в состоянии конфликта. Преобладание одного из них является результатом естественно-экономических причин или отношения к этому вопросу со стороны государственной власти. Если последние не содействуют частной собственности, то общинное начало преобладает. Если семейное начало получает приоритет, имущество (в данном случае земля) захватывается бессрочно, то есть переходит по наследству, а государство переходит от сбора дани с общины к разверстке подати на конкретные семьи. Со своей стороны семья стремится захватить в прочное владение наделы и закрепить за собой право на имущество»*.

Как в свое время заметил Ф. Энгельс в своей книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства», поначалу семья представляла собой некую общину в миниатюре, но перераспределение материальной составляющей жизни высвободило значительные ресурсы личности. От безусловного отождествления с обществом человек перешел под покровительство гораздо более либеральных семейных традиции. В отличие от общины семья:

◆ гарантирует социальную приемлемость человеку, какой он есть;

³ Кречмер Э. Медицинская психология. СПб., 1998.

⁴ Пушкин А. С. «История русского народа». Соч. г. Полевого Н. Полн. собр. соч. В 10 т. М., 1964. Т. 7.

- ◆ в основе морали лежит субъективно понимаемая ответственность перед суровыми предками и безжалостными потомками;
- ◆ конфликты в рамках допустимой терпимости решаются вне правового поля;
- ◆ в материальном отношении члены семьи зависят друг от друга, а не от государства;
- ◆ в качестве наказания выступает лишение сострадания и поддержки.

Соответственно, нравы, взгляды и установки семьи не поддаются государственному нормативированию, а зачастую и вовсе противоречат ему. Власти не могут приказывать семье, живущей на свои доходы, исповедовать нужный образ мыслей. Семью приходится вовлекать в политические и нравственные инициативы, находя аргументы, которые подтверждали бы совпадение личных и общественных интересов, методами убеждения. Должно быть, недаром католическая церковь веками совершенствовала искусство проповеди, тогда как православная только начинает осваивать навыки речевого общения с народом.

При новом укладе жизни казну сменяет гражданский оборот, вместо трудовой повинности расцветает свободное предпринимательство, династии уступают место выбранным «лавочникам». Прогресс налицо. Но он противоречит природе власти. Цивилизация не знает примеров, когда люди, ею обладающие, отдали бы свои привилегии просто так и согласились «сесть в тюрьму за долг в 300 талеров вместо того, чтобы пользоваться неограниченным кредитом у негоциантов, не смеющих истребовать одолженное». И есть все основания полагать, что у европейских владык раннего средневековья нравы были ничуть не лучше. Остается гадать, что заставило их перейти от крепостного уклада к «священному праву частной собственности». И до появления версии А. Фоменко исторически и социально обоснованного объяснения не существовало. Историки констатировали, что Европа пошла иным путем, и только. Нужно было математикам своими методами обработать чистые факты, чтобы отсеять мифы и привести историю в соответствие с психологией. А современная жизнь подтвердила, что в чем-то аналогичный переход от авторитарного строя к демократическому бывает обусловлен исключительно экстремальными обстоятельствами, угрожающими суверенитету нации.

Скорее всего, в начале второго тысячелетия нашей эры Европа действительно была под властью славянско-оттоманской империи, где авторитарная власть, сосредоточенная в руках правителей оседлой части России, дополнялась силой профессионального войска из татар, проживавших за Волгой (своеобразный Рубикон). Для выхода из униженного положения у лимитрофов не было природных и человеческих ресурсов, тогда как за спиной метрополии располагались громадные пастбища (источник военной силы – кавалерии) и возможность черпать людские резервы из кочевников. Единственным ресурсом, способным увеличить мощь солдата и производительность труда жителя, была личность, обладающая свободой волеизъявления и готовая ее отстаивать, а также работать на совесть. Расчет оказался верным, и вскоре крестоносцы оттеснили русских на восток и отменили крепостное право на тех территориях, которые смогли занять. Там оно больше не возобновлялось. Как заметил А. С. Пушкин, «крестоносцы повсеместно сообщили вольность нравам».

К тому же у России появились новые заботы, вызванные изменением климата. Как отметил в своих работах Л. Гумилев, степи начали превращаться в пустыни, жизненное пространство за Волгой стало сокращаться, дороги в Среднюю Азию перемело песком. Войско, оставшееся без дела, заявило претензии на власть, что и вылилось в так называемое татаро-монгольское иго, пока оседлая часть России не взяла верх. Считается, что последнюю точку в этом споре поставил Иван Грозный, завоевав Казань и лишив представителей ее династий каких-либо оснований надеяться занять престол.

Эти века, пока Россия не развивалась, а налаживала жизнь в привычных традициях, Европа в психологическом отношении использовала гораздо продуктивнее. Ее народы осваивали установку Нового Завета, которую в общей форме можно обозначить как «пусть богатый поделится с бедным по совести». Совесть – качество личности человека, чувствующего себя

свободным (внешне может быть и угнетенного). «Детишки насмеваются, зовут клейменым, каторжным, а дед лишь ухмыляется – клейменный, да не раб». На это ушло много времени и сил, да и крови было пролито немало (достаточно вспомнить их тридцатилетние и столетние войны, лишённые явного экономического смысла). «И это войско, тяжкая громада, ведомая изящным, нежным принцем, готовая предать огню и тленю, что им подвластно, так, за скорлупку» – недоумевает Гамлет. Должно быть, «выдавить из себя» правило «*servis not habet personam*» – раб не имеет личности, очень непросто (А. П. Чехов, по его словам, делал это «по капле» всю жизнь, но удалось ли ему чего-то достичь, умолчал). Продолжая следовать версии А. Фоменко, мы вполне логично приходим к мысли, что именно в период раннего средневековья формировался однозначно представляемый разными народами образ носителя совести (безусловного альтруиста при максимальной возможности действовать в своих интересах), на что ушло по меньшей мере несколько веков, в течение которых тексты священного писания были доступны только узкому кругу посвящённых. Такое отчуждение от местных традиций в пользу отвлечённого носителя нравственных начал, по-видимому, требовало некой глобализации в сфере духа. Всякая глобализация дается с трудом.

В Европе жило много народов, у каждого из них свои предки, а чужие предания, как известно, не указ. Понадобился образ, приемлемый для всех и каждого, некий общий предок, совершивший безусловный подвиг. Сын единого бога, в миру бродяга, чье величие не зависело ни от каких чинов, званий или иных преимуществ, – друг самого простого человека. Местом его земной жизни был объявлен пустырь за околицей Европы, превращенный воображением создателей мифа в землю обетованную. В качестве национальной принадлежности выбран народ, не имеющий территории проживания. Евреи обеспечивали торговые пути. Они взаимодействовали с разными народами, но не смешивались с ними и сохраняли свою идентичность каким-то неуловимым образом. О природе их национальной идентичности, позволяющей узнавать друг друга, проживая с рождения среди разных народов, до наших дней спорят без сколько-нибудь ясного результата. И такой выбор понятен. Если бы Христос был, например, французом, вряд ли немцы восприняли его всерьез.

Осталось обеспечить служителей культа языком, который был бы всем немного понятен, но не носил ничьей национальной окраски. Как известно, те, кто выучил латынь, легко усваивают несколько европейских языков, тогда как на латинском не говорит никто. Ближе всего он к греческому, чей народ жил в те годы на глухой окраине Европы и никакой роли в культуре не играл, будучи дремучим провинциалом. На создание священного писания ушло несколько веков, пока были согласованы тексты, выверены исторические легенды, подготовлены священнослужители. До этого читать на латыни их могли только сугубо посвященные, а переводить на местные языки категорически запрещалось.

Одновременно создавался миф об античной культуре, где рабовладельческий строй (образ крепостного) использовал частную собственность в своих интересах, от чего нравственно разложился и позорно пал, несмотря на военную мощь Римской империи (как известно, Рим не имеет аналогов в истории).

Во всяком случае, если о нравах рабовладельческого общества в далеком прошлом можно только гадать, то в нашей новейшей истории соединение частной собственности с крепостным правом в реформах, начатых Петром I, тотчас привело к самой беззащитной торговле людьми. Так что, если это невозможно доказать, но допустимо полагать – историки средневековья, не смевшие давать советы владыкам от своего имени, маскировали свои идеи оберткой прошлого (на наших глазах писатели и режиссеры описывают Византию, где ошибки правителей, имевшие драматические последствия, очень похожи на современную политику наших российских властей).

Дальнейший ход событий, если на них смотреть через призму естественных свойств и качеств личности, представляется как овладение европейцами навыками свободного нрав-

ственного выбора в повседневной жизни обычным человеком. Преодоление страха свободы давалось нелегко. С одной стороны, неумелое раскрепощение сопровождалось падением нравов и стремлением консерваторов (республиканцев) насаждать добродетели декретами. «Уже я вижу тот грядущий час, / которого недолго дожидаться, / когда с амвона огласят указ, / чтоб воспретить бесстыжим флорентийкам / разгуливать с сосцами напоказ», – говорит один из персонажей Данте. С другой – демократическая ориентация системы хотя и вселяла веру в торжество закона (хозяин мельницы отсудил свое право на нее у Фридриха Великого, которому она заслоняла виды из окна), произвол и коррупция «избранников народа» основательно угнетали население. Тем не менее, прогресс шел своим порядком, и семья из лидеров в триаде «Среда – Семья – Система» постепенно отходила на вторые роли, уступая место системе. Человек перестал бояться остаться один на один с обществом и государством (созрел как личность для товарно-денежных отношений) и начал полагаться на свою рабочую силу как основной источник благополучия. «Ледяная вода эгоистических расчетов» (по К. Марксу) смела «застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения вместе с сопутствующими им веками освященными представлениями и воззрениями», включая «священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма», превратив представителей таких почитаемых профессий, как юристы, врачи, ученые в обыкновенных наемников капитала. «Все устоявшееся исчезает, все священное оскверняется, с пролетариев стирается всякий национальный характер».

Естественно, потребовалось время (около ста лет), пока «дешевые товары – эта тяжелая артиллерия буржуазии, которой она сметает все китайские стены» устаревших традиций, не привели к социальной глобализации, подтвердив прогноз, сделанный в середине XIX века.

«Условия существования, при которых человек имеет отношения с полным набором качеств нескольких людей, меняется на взаимодействие с личностными модулями многих»⁵. Человек остается один на один с обществом и государством, демонстративно пренебрегая защитным панцирем общинных (клановых) и семейных традиций, считая их слишком обременительными. Отсутствие страха (как говорили предки) «социальной обнаженности» означает, что современный уклад жизни определяет система с присущими для нее правовыми институтами. Саму по себе *систему* отличает ряд свойств:

- ◆ личные качества руководителя не имеют значения для социального статуса;
- ◆ власть не выходит за формально установленные рамки;
- ◆ авторитет человека зависит от его компетентности;
- ◆ участники системы взаимозаменяемы;
- ◆ социальная защита свободна от филантропии;
- ◆ в качестве карательной меры используется наказание.

Естественно, в системно ориентированном обществе, где то, что разрешено – разрешено всем, а то, что запрещено – тоже всем, человек равно как свободен, так и беззащитен («как колодник, вытолкнутый в степь», по определению А. Герцена). Однако потенциал личной инициативы («социальный капитал» по определению Ф. Фукуямы) оказался мощной силой. Пока что она (эта сила) еще не очень хорошо исследована. Исторический опыт недостаточен (в отличие от среды и семьи с их многовековым опытом). Привнесенная ей глобализация информационного, культурного и экономического пространства лишь осмысливается в ее хороших и дурных последствиях, тем более, что мы наблюдаем происходящее со стороны. У нас иной исторический опыт.

История Европы двигалась соответственно естественной природе личностного онтогенеза, принаравливая к личности уклад жизни, история нашего отечества выглядит как упорное стремление уклониться от необходимости учитывать личность в качестве ориентира социальной политики. Мы оказываемся все время в роли Обломова, которого пытаются столкнуть

⁵ Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997.

с привычного места обитания, но оно устраивает его таким, как есть. Иногда власти и народ подыгрывали Западу, перенимая у него кое-что, частично, не в полной мере и ненадолго (все-таки культура, наука, промышленность там развиваются лучше нашего), но по большей части просили оставить нас в покое, а если кто-то хотел насильственно приобщить к тем ценностям – упирались всем миром, не считаясь с жертвами.

Должно быть, мы так и продолжали бы жить (коли природные ресурсы дают достаточный «естественный продукт» в полном объеме), сохраняя дистанцию, позволяющую брать у них достижения, не затрагивающие нравов, но случилось непредвиденное. Наш народ, отличительным свойством которого (по замечанию А. Герцена) является склонность принимать возможное за действительное, решил одним махом отменить все проблемы сложно устроенного социального пространства, осваивать которое не было ни сил, ни желания, и, обойдясь без семьи, сразу шагнуть в систему.

Изначальная мысль в своем психологическом значении, освобожденном от политической экономии, достаточно проста и вполне понятна. Нехорошо, что свобода предпринимательства в условиях частной собственности побуждает корысть, и на этой почве зреют отрицательные нравственные ценности. Личность в таких обстоятельствах развивается однобоко и отягощена многими предрассудками. Собственники эксплуатируют трудящихся, родители – детей, власть прислуживает капиталу. А если убрать из жизни материальные расчеты, исчезнут соблазны, и побуждения возвышенные (труд на благо общества, стремление к образованию, бескорыстное управление и т. п.), также свойственные в чем-то природе человека, возьмут верх сами собой. Примерно так можно понять Манифест коммунистической партии, где говорится о планах освободить труд от капитала, семью от воспитания детей, людей от государства. В конце пути видится образ трудящегося, способного разумно регулировать свои потребности без внешних ограничений («от каждого по способности, каждому по потребности»).

Естественно, стержнем такой политики должна была стать личность, способная к независимому нравственному выбору в пользу общества. Еще А. Герцен предупреждал, что в России «коммунизм – это то же самодержавие, только наоборот». На чем и споткнулась революционная практика. З. Фрейд писал: «Мыслимо ли вообще, или по крайней мере сейчас достичь подобной реорганизации культуры; можно спросить, где взять достаточное количество компетентных, надежных и бескорыстных вождей, призванных выступить в качестве воспитателей будущих поколений; можно испугаться чудовищных размеров принуждения, которое неизбежно потребует для проведения таких намерений в жизнь»⁶. И теперь мы ясно понимаем, что настоящих коммунистов – людей с высоким уровнем синергизма – немного. Они своей жизненной позицией служат примером, но их удел – жертва, а не управление. Поэтому в стремлении к высоким идеалам наш народ сделал тот шаг, к которому только и был способен, – общинную психологию он трансформировал в коллективистическую. Как отметил в своих воспоминаниях полковник Кобылинский, начальник охраны царской семьи в г. Тобольске, солдаты, поначалу бывшие под влиянием эсеров, со временем перестали их понимать и становились большевиками сами собой, без какой-то особой пропаганды со стороны последних. Да и потом, когда государство должно было что-то сделать в личностном плане, оно действовало не как система, а выбирало простейшие общинно-партизанские рецепты.

Однако так не могло продолжаться слишком долго. Государственная филантропия демобилизует общество, если нет узды крепостного права (в чем Европа убедилась на своем опыте несколько веков тому назад). И когда стало ясно, что «гигантский эксперимент над культурой в обширной стране между Европой и Азией обнаружил пропасть между намерениями и исполнением» (по З. Фрейду), пришлось согласиться и на частную собственность, и на свободу предпринимательства. И это вполне естественно. В истории любой социоцентрически ориен-

---

⁶ Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Психоанализ, религия, культура. М., 1992.

тированной страны наступает время, когда в состязании с персоноцентрическими она начинает так сильно проигрывать, что ей для спасения национальной идентичности приходится идти на реформы. Хорошо еще, если дело обходится без войны.

Как объяснял своему сыну промышленник, герой пьесы Ж. П. Сартра «Затворники Альтоны»: «Германии нужно было поражение в войне, чтобы возродить промышленность. – А мы, солдаты? – Вы только оттягивали развязку». Даже Китай, правда, по собственной воле (должно быть, уловив общие тенденции развития мира), прошел горнило культурной революции с ее лозунгом «огонь по штабам», и нынче дети хунвейбинов успешно интегрируются в мировое сообщество. Россия, победив в гражданской и мировой войнах, ограничилась лишь смутой 1917 г., срочно отыграв назад демократические инициативы, и пока что не торопится идти на жертвы. Естественно, никто не торопится менять уклад жизни без особой необходимости в роли которой обычно выступает жестокая нужда (наши реформаторы уверяют, что СССР стоял на пороге голода и безденежья к началу перестройки). А когда угроза отпадает, демократическая модель жизни по-европейски опять не нравится властям.

Справедливости ради нужно отметить, что и Запад смотрит в нашу сторону с опаской. По словам К. Ясперса, *«европейцев никогда не оставляет страх, что безмерно отважный порыв человечества к свободе вновь погрузится в глубины Азии таким образом, что исчезнет западная свобода, значимость личности, широта западных категорий, ясность сознания. Вместо этого утвердится вечное азиатское начало: деспотическая форма существования, отказ от истории, стабилизация духа в азиатском фатализме»*⁷.

Как будет происходить нынешнее сближение с европейской моделью жизненного устройства в нашем отечестве, сказать трудно. Пойдем ли мы вперед или, как говорил В. И. Ленин, предпочтем сделать «два шага назад», будущее покажет, но нужно понимать, к чему готовиться. И здесь, коли мы не в состоянии ясно указать, что должен менять в себе «республики нашей сегодняшней житель», а что можно оставить таким, как есть, нужно наметить хотя бы некоторые основы для выбора позиции.

В качестве иллюстрации сошлемся на цитаты из работ известнейших социологов с их стороны (Э. Дюркгейм) и нашей (С. Струмилин).

*«Мы с вами (он читал лекцию французским студентам в начале XX в.) живем в стране, не признающей никакого властелина, кроме общественного мнения. У каждого из нас существует настолько преувеличенное ощущение своего Я, что мы не замечаем границ, сжимающих его со всех сторон. Создавая у себя иллюзию о собственном всемогуществе, мы стремимся стать самодостаточными. Вот почему мы видим свое достоинство в том, чтобы как можно сильнее отличаться друг от друга и следовать каждому своим собственным путем»*⁸

*«Каждый советский гражданин уже по выходе из родильного дома получит путевку в детские ясли, из них в детский сад с круглосуточным содержанием или детдом, затем в школу-интернат, а из него с путевкой в жизнь на производство или дальнейшую учебу»*⁹.

Столь крайние установки относительно индивидуализма и коллективизма наталкивают на некоторые сравнения.

Если взять за основу два способа средовой адаптации: а) мобилизацию изменчивости, когда живое существо приноравливается к обстоятельствам, которые есть; б) мобилизацию устойчивости, когда постоянство внутренней среды удерживается при любых обстоятельствах, легко заметить, что у каждого народа в этом смысле есть определенные предпочтения. Здесь напрашивается биологическая аналогия, согласно которой животные делятся на **холоднокровных**, которые меняют температуру тела соответственно среде обитания, не покидая ее (пока не

⁷ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

⁸ Дюркгейм Э. Социология. М., 1995.

⁹ Струмилин С. Г. Наш мир через 20 лет // Цит. по: Смирнов В. Н. Общая педагогика. М., 2001.

замерзнут или не сварятся), и *теплокровных*, которые тратят массу калорий на поддержание постоянной температуры тела, зато могут жить, где хотят. Первые лишены витальных эмоций («убивают без радости и гибнут без печали»), вторые сильно переживают при угрозе утратить единство внутренней среды и способны на жалость и сострадание. Война мышей и лягушек издревле была сюжетом сказок как символ бессмысленного противостояния, впрочем как и их сожительство (кот Баюн нянчил в детстве Кикимору, но без толку), да и в наши дни тема сосуществования болотных троллей с людьми не сходит с экрана. А в переносе на видовые характеристики человеческого сообщества лягушками следует считать нас (предпочитающих социоцентрический уклад жизни), а европейцев – мышами (с их персонцентрическим укладом).

Справедливости ради нужно заметить, что в этом отношении мы не одиноки. Американцы во второй мировой войне столкнулись с психологическим феноменом, который не могли объяснить в рамках своих представлений о мотивах поведения человека. Японские солдаты, фанатично стойкие в траншеях, были готовы заискивать перед администрацией лагерей для военнопленных чуть ли не сразу после интернирования. Объяснение, согласно которому человек смиряется под давлением, здесь не годилось. Условия жизни были вполне сносными, а обращение не угрожающим. Никто не занимался «промыыванием их мозгов». Оставалось признать, что готовность идентифицировать себя с любым официальным окружением не основывалась на идеях, а проистекала из каких-то глубже лежащих слоев самосознания. Противопоставлять себя режиму им просто не приходило в голову (в чем-то по-детски).

И сравнение с детьми, скорее всего, возникло не случайно. В онтогенезе личности человек осваивает навыки социального отчуждения по мере взросления, так как *«потребность отождествлять себя с обществом обусловлена тенденцией уклоняться от вызывающих тревогу отношений, где нужно проявлять независимость, Немногие достигают зрелости, остальные же остаются на промежуточных стадиях развития»* – заметил известный американский психолог первой половины XX в. Г. Сэлливэн. Вполне возможно, что наши отличия от людей европейского склада и исторического опыта означают не видовую специфику, а лишь разницу в возрасте национального характера.

Социальное отчуждение и онтогенез личности

Детские и юношеские группы последовательно проходят стадии интеграции, аналогичные тем, которые проходили древние общества в ходе исторической эволюции.

Д. Морено

Весь жизненный путь, если взглянуть на него через призму отчуждения, распадается на три этапа. *Детство*, когда безраздельно доминирует потребность в отождествлении с реальным окружением. *Подростковый* возраст, когда рождение личности дает о себе знать тотальным отчуждением. *Выборочное отчуждение взрослого*, который формирует социальную среду по своему образу и подобию (если может) или сильно переживает, если его вынуждают жить среди тех, кто ему не по вкусу. Именно в такой последовательности социальные инстинкты формируют соответствующие потребности, когда условия воспитания тому не препятствуют.

Возраст тотального отождествления

Первый этап взросления определяется стремлением к отождествлению себя с реальным социальным окружением. Он содержит четыре кризисных периода развития личности: младенческий, дошкольный, младший школьный, отроческий.

В *младенчестве* (до 3-летнего возраста) полная неготовность к самостоятельной жизни заставляет жить в постоянном страхе от обилия информации. Присутствие взрослого человека, желательно матери, совершенно необходимо, чтобы «мир был другом, а не врагом». Это обуславливает постоянное эмпатийное стремление к непосредственному соприкосновению с объектом, забирающим на себя психическое напряжение. Угроза эмоционального отчуждения является мощным регулятором поведения и действенным инструментом воспитания. Чтобы избежать увеличения психологической дистанции с родителями, ребенок готов учиться говорить, пользоваться посудой, усваивать навыки самообслуживания.

Законодатель уделяет особое внимание защите младенцев от дефицита родительского внимания, которое невозможно компенсировать даже в хорошо работающем детском учреждении¹⁰. И это неудивительно, так как именно сейчас закладывается эмоциональный фундамент личности – доверие к окружающим, активность познающей воли, коммуникабельность. Дети, испытавшие в младенчестве эмпатийную депривацию, в последующем инстинктивно стремятся обезопасить себя от незнакомого, а привычка жить в тревожном ожидании, заложенная сейчас, определяет во многом стиль поведения, где настороженность к непредсказуемому если и не доминирует, то постоянно присутствует.

После того, как предметное сознание освободит ребенка от абсолютной зависимости от реального окружения, присутствия матери становится недостаточно. В *дошкольном* возрасте человек начинает тянуться к группе сверстников и нуждаться в игре, организованной взрослым человеком. Изоляция воспринимается как наказание. Так что, будучи грамотно использована,

---

¹⁰ «Руководители воспитательных учреждений, лечебных учреждений, учреждений социальной защиты и других аналогичных учреждений, в которых находятся дети, оставшиеся без попечения родителей, обязаны в семидневный срок со дня, когда им стало известно, что ребенок может быть передан на воспитание в семью, сообщить об этом в орган опеки и попечительства по месту нахождения данного учреждения. За неисполнение обязанностей, предусмотренных данным пунктом статьи, за предоставление заведомо недостоверных сведений, а также за иные действия, направленные на сокрытие ребенка от передачи на воспитание в семью, руководители учреждений, а также должностные лица органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов опеки и попечительства привлекаются к ответственности в порядке, установленном законом» (ст. 121 Семейного кодекса Российской Федерации).

аффилиативная потребность формирует навыки и привычки социальной дисциплины: подчиняться правилам, не обижать слабого, делиться имеющимся, соблюдать чистоту, слушаться старших и т. п. Заблокированная беспризорностью (предоставленные себе дети дошкольного возраста не играют, а живут) или насилием со стороны родителей, она становится источником чувств неприкаянности и озлобленности. Но бывает и так, что вызвать аффилиативную депривацию можно обыденнейшей нечувствительностью взрослых к тому, что происходит между детьми в, казалось бы, вполне нормальной игре. Тот, кто не понимает действующих правил (не улавливает, что в этот момент думают другие), воспринимается как чужак и оказывается в психологической изоляции, даже если его не гонят и не бьют. Если организатор игры не замечает эту дистанцию, он обрекает ребенка на тягостное чувство одиночества. Недаром система дошкольного воспитания предусматривает несколько типов учреждений для детей с учетом интеллектуальных и социальных задатков. Не освоив навыков конструктивного общения со сверстниками, дети приходят в школу «озлобленными дезорганизаторами».

В *семилетнем* возрасте потребность быть членом общества переходит с эмоционального на когнитивный уровень. Теперь ребенку недостаточно чувствовать отождествление с окружающими, он хочет иметь официальное подтверждение своей принадлежности в системе социального устройства. «Быть как все» означает, что успехи коллектива можно считать своими достижениями, гордиться ими и из них формировать самооценку и притязания. Страх когнитивного диссонанса на несколько лет определяет мотивы послушания и прилежания. Разумный и умелый педагог старается обеспечить каждому ученику ситуацию успеха таким образом, чтобы, опираясь на сильные стороны индивидуальности, ребенок мог утверждаться в коллективе собственными усилиями. Неразумный, но умелый учитель формирует у детей привычку пребывать во власти, обращаясь не к разуму, а к чувству, поддерживая страх когнитивного диссонанса в постоянном напряжении. Неразумный и неумелый допускает сегрегацию по успеваемости и поведению, закладывая в фундамент личности ученика ощущение бессильного недоверия к общественному строю, чью волю в его глазах выражает педагог.

Однако даже в лучших обстоятельствах дети неизбежно рассредоточиваются по «векторам развития». Обычная школа при всем разнообразии условий в том или ином учреждении готовит в личностном отношении более или менее однородное пополнение. Для детей с ограниченными возможностями в силу недостатка природных данных имеется программа коррекционного обучения, задача которой вызвать доверие к системе и коллективу, чьи ожидания и требования выше номинальных способностей. Частично жертвуя объемом знаний, реабилитационная школа формирует успех во внеклассной работе, дезавуируя ценности формальных показателей, заменяя их корпоративной гордостью за цели и задачи, в стремлении к которым имеющийся у ребенка дефицит данных не имеет решающего значения. Так что даже если к подростковому возрасту и не удастся выровнять стартовые возможности со сверстниками, можно надеяться, что собственный выбор нравственных ценностей будет сделан в пользу общества.

Отроческий возраст (11–13 лет) позволяет выйти из-под гнета коллективистских интересов в более широкое социальное пространство. Пользуясь тем, что потребности «отдавать себе отчет в своих действиях» еще нет, отроки, оставаясь по-детски безнравственными, могут активно набирать опыт, примеряя на себя социальные роли в трех основных сферах, где растет личность: в семье, коллективе, среде неформального общения¹¹. В предчувствии времени,

¹¹ «Подросток (педагоги называют подростками отроков) превыше всего ценит достойное положение в коллективе. Можно было бы ожидать, что он сочтет для себя унижительным в одном случае придерживаться требований одной морали, одного кодекса чести, в другом – следовать требованиям другого. Но не тут-то было. Довольно-таки часто для него значимы не требования той или иной морали, сколько факт, от кого эти требования исходят. И если он является членом сразу двух коллективов, моральные требования которых не совпадают или даже противоположны друг другу, это его несколько не шокирует и он может вполне следовать двум моралям: в одном коллективе одной, а в другом – иной» (Краковский А. П. О подростках. М., 1970).

когда образ собственного *Я* оторвется от социальной реальности, дети много читают: их воображение насыщается образами – носителями нравственного опыта человечества.

Законодатель, в том числе и советский, пытался обращаться к детям отроческого возраста как к зрелым людям (Постановление ЦИК и СНК 1935 г. установило возраст уголовной ответственности с 12-летнего возраста за особо тяжкие преступления), однако уже вскоре стало ясно, что вменять детям вину нереально, так что Верховный Совет РСФСР в 1941 г. вернулся к возрасту уголовной ответственности с четырнадцати лет. До этого возраста меры социального ограничения в связи с общественно опасным поведением должны носить воспитательный характер.

Пока же возраст «героических мечтаний» насыщен разного рода огорчениями. Получить достойную социальную роль непросто, так как детское отождествление себя с коллективом, позволявшее приписывать себе общие достижения, ослабевает. Сейчас нужны личные успехи, а их, как правило, недостает даже тем, кто рискует дерзить взрослым, хулиганить, или даже убежать из дома. Что же говорить об обычных детях? Каждый помнит, что в те годы ему приходилось как-то приравниваться к неудачам, и у большинства из нас именно в отрочестве появилась та или иная компенсаторно-защитная установка, которая время от времени портит нам настроение и по сей день. И это понятно. «Герои» жадничают в своем воображении. Они освоили в общих чертах навыки адаптации к семье, среде и системе, но как бы по отдельности. Теперь же нужно представить себе картину в целом. Определить (по А. Адлеру) границы «самости в любви, работе и дружбе». Но быть удачливым во всех трех сферах трудно (да и не нужно, ранние победы тормозят развитие). Как правило, плюсы и минусы социального статуса в какой-то мере компенсируют друг друга, если брать во внимание одновременно все три сферы межличностных отношений, в которых формируется, развивается и существует личность: коллектив, семья, группа неформального общения. Однако возможность маневра между ними в поисках подходящих ролей может отсутствовать как по внешним, так и по внутренним причинам. Тогда конфликт выходит за рамки отдельного поражения, о котором можно забыть, и человек превращается в типичного неудачника. Соотношение ролей определяет самооценку и при неблагоприятном стечении обстоятельств вызывает защитные реакции как у взрослых, так и у детей, с той разницей, которая вытекает из особенностей возрастной психологии. Далее мы предлагаем собственную концепцию появления и закрепления защитных психологических механизмов в выборе социальных ролей, что нам дает право многолетнее сотрудничество с разными педагогическими коллективами, использовавшими предлагаемые на ее основе методы.

В *коллективе* роли распределяются соответственно ведущим ценностям этого социального института: официальному статусу и личной компетентности в деле, для которого этот коллектив сформирован. Мы предлагаем семь ролей, по мере убывания перечисленных ценностей в статусе человека:

- ◆ компетентный руководитель;
- ◆ компетентный помощник;
- ◆ формальный помощник;
- ◆ член коллектива, уважаемый за профессиональные качества, но не ценимый администрацией;
- ◆ рядовой сотрудник, ценимый больше за человеческие, чем за профессиональные качества;
- ◆ тот, кого терпят;
- ◆ бойкотируемый.

В *семье* стержневыми ценностями выступают личная привязанность окружающих и степень доверия между членами семьи. По этим качествам и определяются значимость человека в семье и семьи для человека:

◆ первая роль принадлежит тому, зависимость от которого члены семьи принимают с доверием и удовольствием;

◆ тот, кто пользуется приязнью, но не лишен доли зависимости;

◆ кто не испытывает проблем во взаимодействии с членами семьи, но не может твердо рассчитывать на привязанность с их стороны;

◆ полагающийся, главным образом, на себя, но без враждебности;

◆ занимающий одну из сторон конфликта, но не теряющий надежды на благополучный исход ситуации;

◆ удерживаемый в семье силой внешних обстоятельств; выталкиваемый.

В *группе неформального общения* ценностью выступает возможность свободного волеизъявления.

◆ За лидером, занимающим первую позицию, остальные следуют с энтузиазмом, ожидая от него распоряжений, в которых он ограничен только собственным выбором;

◆ вторая позиция принадлежит «звезде», к кому тянутся, но не подражают и не подчиняются;

◆ далее – независимый член группы, который может позволить себе дерзость иметь собственное мнение и в определенных ситуациях брать на себя решение вопроса по существу;

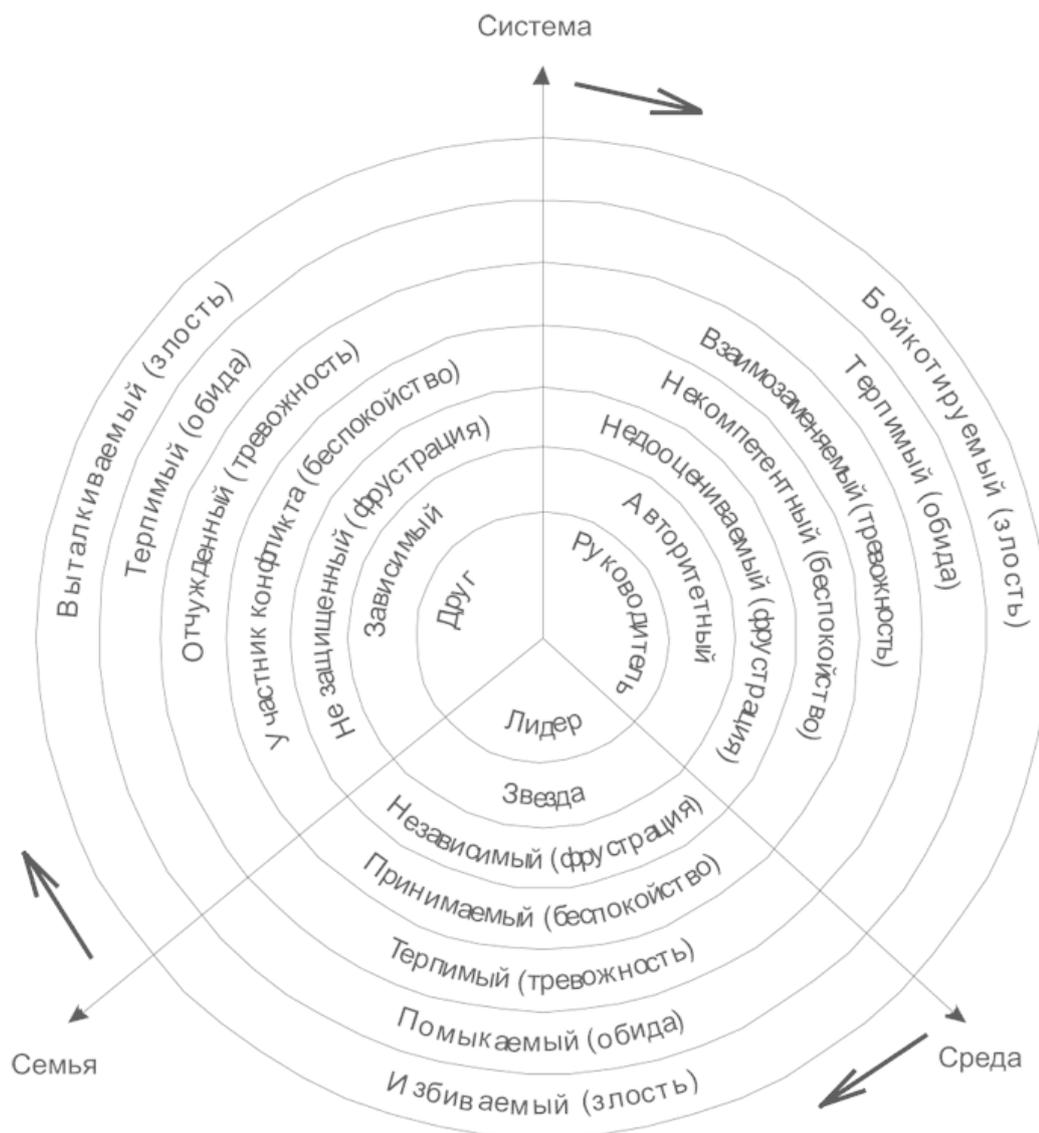
◆ примыкающий без проблем, но и без особого авторитета;

◆ примыкающий ценой смирения не без внутреннего сопротивления;

◆ помыкаемый, кому приходится терпеть унижения, чтобы остаться в группе;

◆ отвергаемый с угрозой расправы.

В своей работе мы выбрали по семь позиций в каждой сфере, так как этого было достаточно для работы по оценке психологического фактора средовой дезадаптации. Безусловно, их может быть значительно больше, но мы взяли их как ориентиры, посчитав, что на своем уровне каждая позиция примерно соответствует смежным по тому эмоциональному напряжению, которое испытывает человек под давлением социальной среды.

Источник давления – естественное стремление к отождествлению, превращающее вытеснение в тягостное испытание. Образно говоря, будучи лишена необходимых для своего строительства впечатлений, личность испытывает чувства, сравнимые с голодом, когда растет организм.

Дальнейшее изложение материала будет иллюстрироваться несложными схемами, которые мы используем главным образом для экономии текста, но надеемся, что с их помощью нам будет проще объяснить свою точку зрения.

Сочетание позиций в трех сферах отношений можно представить себе с помощью трех лучей, исходящих из одной точки под углом в 120° . В центре – лучшая из позиций по каждой из сфер: авторитетный руководитель, глава семейства, неформальный лидер. По мере удаления от центра содержание ценностей, на основе которых происходит разделение ролей, убывает. Между позициями берем расстояние, одинаковое по каждому из лучей, выбранное в произвольном масштабе.

При таком подходе каждый человек имеет какую-то точку на каждом из лучей, обозначающую его позицию в той или иной сфере отношений. Точки выглядят как комбинация, но мы усложняем задачу.

Эмпирический опыт подсказывает, что если провести окружности с центром в каждой точке радиусом в расстояние между двумя позициями, три окружности составят более информативную композицию.

Если окружность охватывает центр схемы (рис. 1), занимаемая позиция воспринимается человеком в принципе положительно. Если окружности пересекаются между собой, неизбежные издержки переживаются без внутреннего конфликта. Психическое напряжение возникает, когда между окружностями, охватывающими центр, и отстоящими от него, появляется зазор.

Ситуация 1. Если две окружности пересекаются между собой, а третья располагается на дистанции (рис. 2), это сигнализирует, что в данной сфере отношений, скорее всего, срабатывает механизм психологической защиты, который мы обозначили как **«исключение третьего»**. Человек в состоянии сохранить о себе благоприятное мнение, если игнорирует трудности адаптации в ней как несущественные.

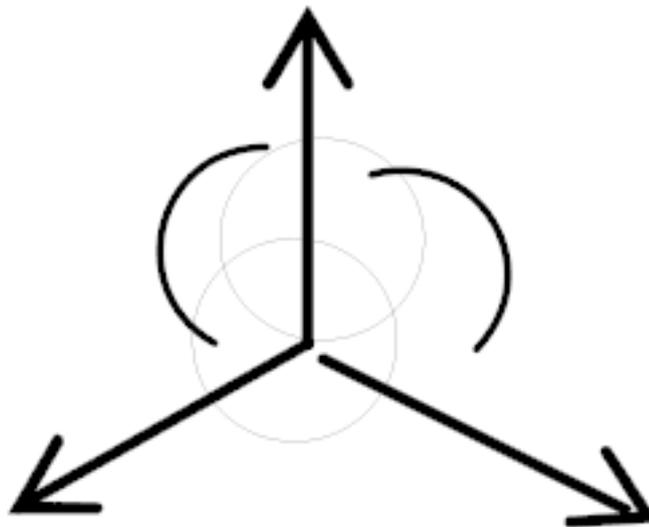

Рисунок 1

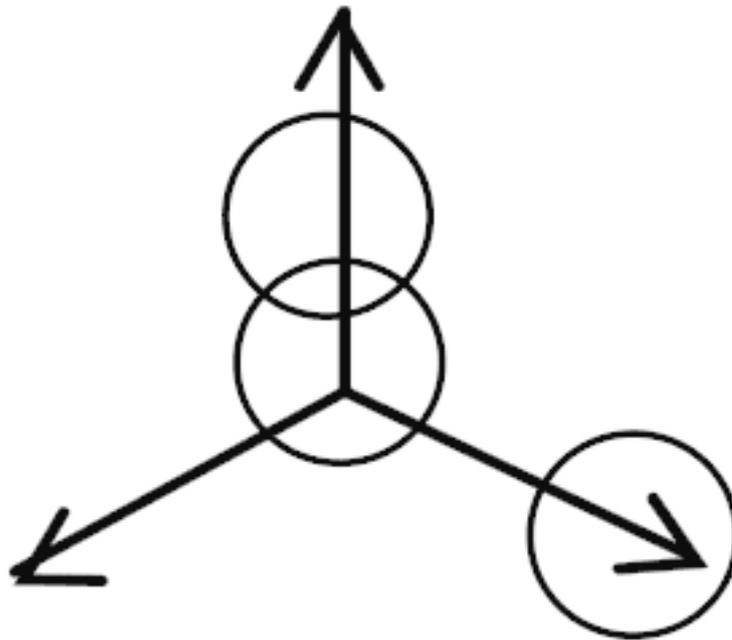

Рисунок 2

Дальнейшее развитие его личности будет еще гармоничным, но уже не всесторонним. Поэтому он остается полноценным членом общества до того момента, когда жизненные обстоятельства столкнут его с необходимостью действовать в той сфере, где у него нет ни внешнего, ни внутреннего опыта. Например, маленький сынок в казарме, любимчик среды в экипаже, бывший воспитанник детского дома в семье.

Ситуация 2. Если только одна из окружностей охватывает центр, а остальные дистанцированы (рис. 3), это означает, что субъективно приемлемая позиция имеется только в одной из сфер отношений и он вынужден выбирать роль под влиянием переживания, которое мы обозначили как «**феномен экологической ниши**».

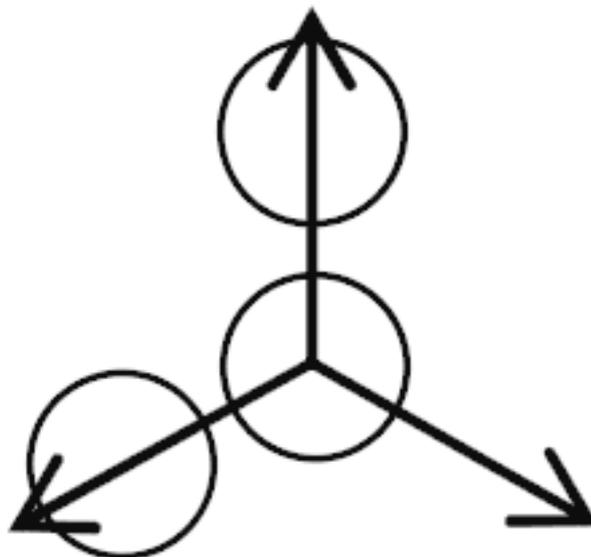

Рисунок 3

Суть его состоит в том, что человек, будучи не в состоянии игнорировать поражения в двух сферах отношений одновременно, теряет способность гармонично строить отношения с Я-образом и вынужден концентрировать личностные смыслы там, где ему сопутствует хоть какой-то успех. Он сначала неосознанно, а затем сознательно начинает драматизировать переживания, связанные со своей положительной самооценкой, тянуться к ценностям принимающей среды и активно демонстрировать пренебрежение ценностями сфер отношений, которые его отвергают. Отвергаемые семьей и системой вливаются в «уличное племя». Менее драматичны варианты, когда человек в своем развитии личности может зацепиться за коллектив (что превращает его в «пересоленного» службиста), или стать утрированным семьянином, которого «любят только жена и собака».

Ситуация 3. Если ни одна из окружностей не достигла центра и не пересекается со смежниками (рис. 4), это означает, что человек терпит поражение во всех трех сферах межличностных отношений, где происходит социализация личности. У него нет оснований для интеграции общественных норм во внутренние смыслы поведения. Здесь отчуждение носит характер деперсонализации, когда внутренний мир выбирает нравственные ценности безотносительно воспитательной ситуации в детстве и условий жизни в последующие годы.

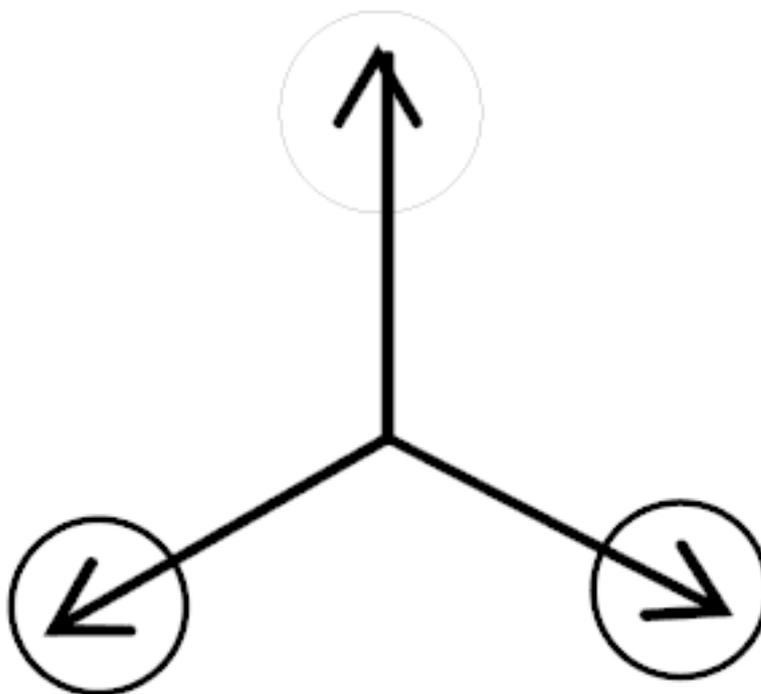

Рисунок 4

Психическая средовая дезадаптация, направленная внутрь личности, ведет к переориентации ценностей на воображаемые цели. Когда это происходит, вероятность непредсказуемого поступка очень возрастает. Утрачивая эмоциональное сходство с реальным окружением, человек перестает зависеть от обстоятельств, которые его сознание вполне адекватно фиксирует, мышление правильно интерпретирует, а личность (во взрослом периоде) в состоянии дать происходящему объективную нравственную оценку. Человечество давно заметило, что гордость зачастую маскируется самоуничижением по принципу «признай себя нулем и станешь выше всех». На эту тему написано много художественных произведений, где унижаемая

жертва испытывает своеобразное наслаждение, побуждая насильника опуститься до себя, подталкивая ситуацию к драматической развязке. Недаром виктимология избегает прямых причинно-следственных связей во взаимодействии преступника и жертвы. Естественно, до того момента, когда отщепенец может рассчитывать на безнаказанность. Тогда жертвам его преступления остается только посочувствовать.

Возраст тотального отчуждения

Второй этап взросления определяется стремлением к отчуждению, когда реальные отношения формируются в зависимости от мира, созданного воображением. *«Это понятие (человек) есть стремление реализовать себя, дать себе через себя самого объективность в объективном мире и осуществить (выполнить) себя»*¹². Когнитивный диссонанс как движитель личностного развития перешел из взаимодействия с окружающими во взаимодействие с самим собой, и страх сплоскаться в глазах собственного *Я* отныне заставляет человека упорно работать над собой. На строительство образа мира и своего места в нем уходят большие силы на протяжении нескольких лет, в течение которых обществу приходится мириться с тем, что подростки живут по своей логике в соответствии с «подростковыми личностными реакциями».

В общем плане уход от реальности в мир воображения, из которого потом вернется уже другой (взрослый) человек, производит сильное впечатление на близких, которым жаль расставаться с ребенком, так что интуитивно факт появления личности окружающие улавливают безошибочно. Образно говоря, каждый взрослый прекрасно чувствует, что замахнуться, демонстрируя гнев и возмущение, еще можно, но ударить уже нельзя, хотя прошло совсем немного времени от того, когда ребенок ничуть не обижался, будучи наказан «за дело». Появление этого незримого рубежа совпадает с началом перестройки организма на воспроизведение потомства, так что чувство собственного достоинства и половое созревание связаны между собой на антропологическом уровне гораздо теснее, чем это можно заметить при современном укладе жизни.

По своим истокам подростковые личностные реакции выражают четыре основные потребности: в эмансипации, в оппозиции, в имитации и в группировании по возрастному признаку.

Реакция эмансипации внешне может выглядеть в диапазоне от реального ухода из дома (сравнительно редко) до огульной критики родителей (в каждой семье). Ярче всего она проявляется в ответ на стремление взрослых вызвать на откровенность и носит откровенно защитный характер (сила действия равна силе противодействия). И это понятно, так как строительство мира в воображении – дело исключительно индивидуальное. Поделиться воображаемым невозможно, оно не имеет каналов передачи информации. О происходящем в воображении со стороны можно только догадываться по косвенным признакам.

Например, обращает на себя внимание разрыв между общепринятым и индивидуально значимым смыслом слов. С началом подросткового возраста у взрослых теряется уверенность, что их собеседник правильно понимает обращенное к нему. То есть лексику он, естественно, улавливает верно, но истолковывает иначе. Э. Блейлер назвал это явление «подростковым аутизмом»¹³.

Далее, манера ставить свои представления выше впечатлений с тем подростковым снобизмом, который особенно раздражает окружающих, но обозначает она лишь защиту еще хрупких конструкций своего мироощущения от бесцеремонного вмешательства реальности. «Деревянная» твердость своих отвлеченных схем вопреки ожидаемым сочувствию, сопереживанию,

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 50 т. М., 1982. Т. 29. С. 194.

¹³ Блейлер Э. Аутистическое мышление. Одесса, 1927.

состраданию производит впечатление эмоциональной тупости и пугает близких (вдруг останется таким эгоистом навсегда).

И, наконец, воля, будучи израсходована на внутреннее строительство, не оставляет жизненной активности на такие мелочи, как личная гигиена или помощь взрослым, что может показаться редукцией энергетического потенциала.

В свое время Г. Гегель заметил, что подростку кажется, будто окружающий его мир распался и он приводит его в порядок в своем воображении, так что нужно известное время, чтобы понять – мир в своих основных чертах закончен, причем вполне разумно. Во всяком случае, с тем, что несколько лет воображение будет доминировать над впечатлениями, приходится мириться.

Реакция оппозиции выражается в своеобразной оценке своего положения в обществе. А именно, приступая к строительству целого мироздания, человек ощущает себя в центре событий и главным действующим лицом. Вполне естественно, что и в реальной жизни его не оставляет это впечатление. Ему кажется, что окружающие обращают внимание, «куда он пошел, что делает, с кем общается» и ждут, чтобы он высказал свое мнение. Он как бы на особом положении. Отсюда вопиющая бестактность, которую, как правило, снисходительно прощают, отлично понимая, что ему просто не приходит в голову, что он может быть хуже других. Миссия созидателя мира освобождает его от таких забот.

Вместе с тем самоуверенность не лишена тревоги, которую испытывает любой из нас, оказавшись в центре внимания кого бы то ни было. Рациональный ум подсказывает, что нужно знать меру в вещах и точно представлять себе уровень дозволенного. Это подталкивает на постоянные эксперименты с тем, что другим запрещено. Чаще всего исподтишка (важнее увидеть себя в ситуации греха, а не испытывать на себе карательную меру), чтобы осознать, в какой мере можно рассчитывать на исключительность своего положения. Ну а тем взрослым, кому в силу своей привязанности деваться некуда, приходится выступать в качестве подопытного. Доводить до белого каления близких, лишенных возможности протестовать, самый прямой путь установить, чем отличаются требования, которыми принуждают других в своих интересах, от истинных правил, которые должны и соблюдают все. Окружающие не взыскивают строго, понимая, что, «действуя по инструкции, личность не развивается»¹⁴.

Наказание, как правило, не влечет раскаяния, а вызывает враждебность и желание отомстить либо организовать событие, которое ухудшит положение окружающих.

Реакция имитации обнаруживает себя поразительным однообразием внешнего облика и манеры поведения молодежи в данной культурной среде. Все похожи друг на друга, но не чувствуют никакого дискомфорта от отсутствия оригинальности. Если учесть, что подростки ни за что не хотят походить на взрослых, такая смесь разнонаправленных мотивов кажется не совсем адекватной. При этом они в упор не видят свое отражение в зеркале глазами взрослых, которые безуспешно призывают: «Посмотри, чучело, на кого ты похож!»

По-видимому, нечеткость Я-образа на первых порах его формирования подменяет отражение воображением, так что социальные роли, которые теснятся в голове, можно проигрывать в жизни для получения информации о своих возможностях лишь в намеренно игровой ситуации, гротескно, без претензии на реальное признание, уклоняясь от ответственности, из нее (роли) вытекающей. Ведь, как известно, в мире взрослых людей нельзя безнаказанно вводить в заблуждение, изображая намерения, которые не в силах и не хочешь реализовать. Недаром подростки больше всего боятся, что их примут всерьез. А если вспомнить, что в подростковом возрасте ролевые конфликты нередко разрешаются конверсионным способом (переходом психического напряжения в физическое недомогание или расстройство функций), легко понять,

¹⁴ Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляции поведения. М., 1978.

почему авторы, описывавшие истерию, отводили место в ее классификациях и феноменам переходного возраста¹⁵.

Стремление эмансипироваться от фактов, сочетающееся с желанием обратить на себя внимание окружающих экстравагантным обликом (ориентироваться на внешнего наблюдателя) и сохранить дистанцию от угрозы потерять высокую самооценку, приводит к «однообразной пестроте» и бедности «репертуара»¹⁶. Претендуя на оригинальность, человек, не чувствующий своего Я-образа, всегда кому-то подражает. Богатое воображение разнообразит варианты. Людей попроще тянет к эстетике контркультур, где одним внешним сходством можно «попасть в большие забияки». А так как реакция имитации охватывает всю массу подросткового населения, сводный образ выглядит достаточно примитивно. Во всяком случае, наивные последователи криминальных традиций составляют в этом возрасте немалый процент среди уголовно осужденных.

Реакция группирования освобождает строительство внутреннего мира от давления социальных институтов. Проснувшееся стремление узнать себя требует защиты, получить которую в сложившейся системе общественных отношений с их достаточно жесткими ожиданиями невозможно. Подростки инстинктивно создают стихийно возникающие группы, где чувствуют себя корпоративно обособленным островком архаичных социальных отношений, где можно экспериментировать и ошибаться безнаказанно.

Чтобы представить себе силы, побуждающие подростков сменить коллектив на группу неформального общения, достаточно взглянуть на роль лидера, своеобразного центра кристаллизации социальных отношений, вокруг которого они формируются. Это сверстник (группа, как правило, одновозрастная и однополая), наделенный талантом, который не был замечен в детстве и не будет востребован во взрослом состоянии – чувствовать аффилиативную ситуацию, уметь своеобразно подытоживать эмоциональный настрой и выражать решительно то, что другие хотят подспудно. В период тягостных сомнений относительно социальной адекватности своих оценок и стремлений (вдруг раздастся хохот жуткий в наступившей тишине), подросткам нужен, если можно так выразиться, аффилиативный щит. Тот герой, который возьмет на себя инициативу обнаружить публично общие намерения. Следовать за ним не зазорно. Лидеру ничего не нужно объяснять членам группы, чтобы за ним последовали. И, кстати сказать, он, как правило, не озабочен количеством сторонников. Чаще всего он ими даже тяготится.

Влияние группы сохраняется и в ее отсутствие. Подростки сохраняют верность моральным принципам (в том рудиментарном варианте, на который они уже способны в этом возрасте), принятым в их среде, особенно перед лицом официальных представителей общества и государства. Такая корпоративная солидарность с учетом эмоциональной природы ее возникновения может служить причиной делинквентного поведения и истолковывается окружающими как пренебрежение к принятым нормам, моральным и этическим ценностям, традициям и институтам. Отсутствие раскаяния и страха наказания, проистекающее из во многом подсознательной регуляции поведения, нередко создает у взрослых иллюзию деградации нравов со стремлением покарать не проступок, а личность преступника.

В этом возрасте человек затрачивает много сил на исследование пространства своей нарождающейся личности, что, естественно, не каждому по силам.

Но и в обычных обстоятельствах подростка, от природы хорошо одаренного и правильно воспитанного в рамках родительской культуры, ждут серьезные испытания. Образно говоря, он в своем развитии подходит к некому рубежу («второе рождение», как иногда называют это время), который можно представить себе в образе реки. Пока что дорога шла посуху (путем отождествления с реальным социумом на твердом грунте идеологически ориентированного

---

¹⁵ Кречмер Э. Строение тела и характер. М., 2002.

¹⁶ Березин Ф. Б., Мирошниченко М. П., Рожанец Р. В. Методика многостороннего исследования личности. М., 1976.

воспитания). Далее нужно плыть к другому берегу, где обитают «самость», «идентичность», «свобода нравственного выбора» и т. п. Известный японский писатель Харуки Мураками использует более яркую метафору. Герою его книги «Страна чудес» для того, чтобы выйти за пределы стен, оберегающих традиции этой страны, не допускающие самодостаточности человека, предлагается нырнуть в водоворот реки, уходящей под стену. Другого пути нет. Герой (в этом японцы похожи на нас), испугался и отпустил свою тень (образ «самости») плыть и рисковать, а сам остался на берегу.

Можно картину нарисовать иначе. Через реку, положим, наведен мост из общепринятых идеологий, скрепленных гвоздями традиций и удерживаемый канатами коллективистических чувств. Если пройти по нему в сообщество взрослых, человек будет способен «путем самоотрицания, жертвы частными интересами, даже подвигом смерти осуществлять духовное бытие, в чем и заключается его человеческая ценность» (Б. Муссолини). Его социальное развитие продолжится, но без той рефлексии, которая мучает духовно развитого (способного к отчуждению во внутренний мир) человека. И чем проще нравы, тем шире и доступней мост. Л. Выготский заметил, что подростковый период жизни с его условными ценностями, игровыми значениями и безответственными смыслами увеличивается в прямой зависимости от уровня развития цивилизации. Как в масштабах целого народа, так и той социальной ниши, где протекает воспитание подростка. У так называемых «примитивных групп населения» дети становятся взрослыми очень рано. В современной европейской модели общественного устройства на то, чтобы подросток оттолкнулся от берега и «нахлебался идеалов» перед тем, как выйти на другой берег, отводится чуть ли не десять лет, в течение которых ему предоставляется возможность компоновать внутренние смыслы поведения с общепринятыми значениями более или менее произвольно. Естественно, с неизбежным в такой ситуации риском экстремизма.

В российской модели (о проблемах взаимодействия «продвинутых» и «примитивных» на Западе мы знаем только понаслышке, и не берем на себя ответственность вникать в их особенности) очень сильны традиции советской ментальности, коллективистической до самых корней. Еще совсем недавно ни о какой «самости» не было и речи, а все, что было с ней связано в психологии, считалось «порочным в своей методологической основе». В таких обстоятельствах обычные подростки не выходили за рамки либерального свободомыслия в дозволенных пределах или хулиганили на улицах в рамках терпимой делинквентности. Река казалась непреодолимой («переправа, переправа; берег левый, берег правый, снег шершавый, кромка льда...»). «Продвинутым» в чем-то удавалось внутренне освободиться. Продолжая образный ряд – переправиться на другой берег не совсем вплавь, а с помощью подручных плавсредств. Они восприняли перестройку без особого энтузиазма, но не враждебно, и стали студентами высших учебных заведений, расплодившихся во множестве. Взрослые понимали, что главное здесь не квалификация как таковая, а возможность медленно взрослеть в студенческом сообществе. Так сформировалась подростково-молодежная субкультура по-нашенски.

Другое дело – подростки с куцей социальной перспективой. Им жилось много лучше при старом режиме. По окончании школы они, не теряя времени даром, вступали в сообщество взрослых. Девушки рожали детей, а юноши поступали на завод или уходили в Армию (выполнявшую в те времена, главным образом, воспитательные задачи). Теперь перед ними открылись «сумерки переходного возраста». Ветер с Запада, который глобализировал информационное, культурное, экономическое пространства, изменил нравы. Вступая в жизнь, подросток видит очень расплывчатую перспективу, где конечные цели теряются за горизонтом его близорукое мировоззрения, а в обозримом будущем – только неясные правила, условные ценности, скрытые смыслы субкультуры, которые ему недоступны. Конечно, родить и поступить на работу можно и сейчас, но это не снимает проблем повседневной жизни, где сверстникам живется

иначе. Общество не ждет досрочно повзрослевших. Они ему не нужны. Так появляется социальное отчуждение маргинального характера на старте жизни¹⁷.

Возраст избирательного отчуждения

Третий этап – формирование структуры личности, когда опыт, накопленный за период снисходительного отношения взрослых к подростковым экспериментам, необходимо систематизировать и ранжировать. Здесь трудно придерживаться каких-то схем, хотя есть разные взгляды на компоновку свойств и качеств индивидуальности. Мы же возьмем за основу ту схему, которая больше отвечает задачам нашего изложения.

«Сверх Я» – источник внутренних побуждений и смыслов поведения, трансформирующих энергию чувств в идеалы и убеждения.

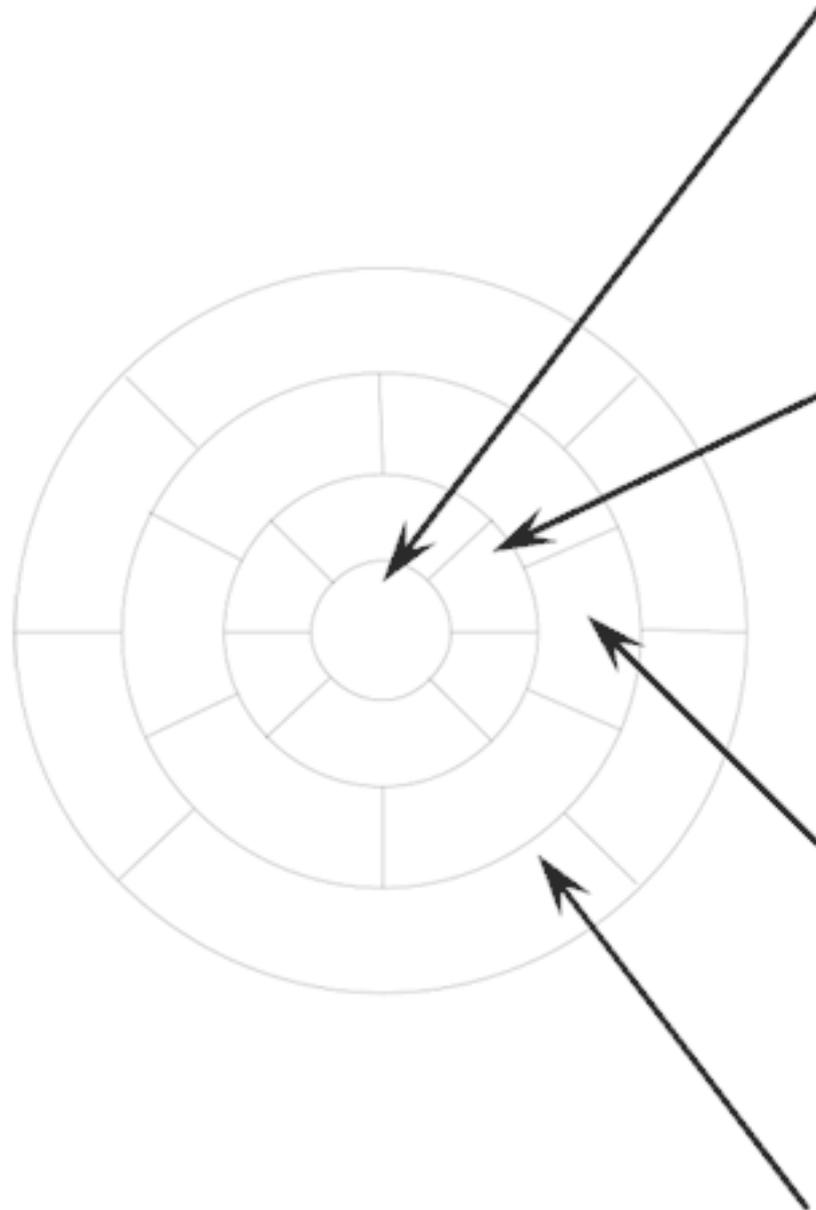
«Я-концепция» (роли-принципы, роли для себя самого, что не покупается, не достается по благу) – источник нравственных потребностей и регулятор социальных ориентаций. Ответственность за них поддерживается страхом когнитивного диссонанса.

«Я-образ» (роли-статусы, роли для других) – роли, сформировавшиеся в процессе воспитания и принятые личностью за ориентиры собственного достоинства. Поддерживаются гордостью, самолюбием.

«Я-манера» (роли-функции, роли-навыки для достижения цели) – ориентированные на экспектации, имеющие прагматичное значение, реализуемое в поступке.

---

¹⁷ Термин «маргиналы» ввел в обиход американский социолог Р.Парк в отношении мулатов. Он обратил внимание на то, что у них в силу затруднений идентификации обнаруживается ряд характерных черт: беспокойство, агрессивность, честолюбие, стесненность, эгоцентризм и т. п. В наши дни этим словом обозначают любые формы социальной дезинтеграции, когда человек социально отчужден (внешне или внутренне).

Пространство личности будет выглядеть как ядро и окружающая его периферия (примерно так мыслят психологи с XIX века). В центре нравственные принципы, идеалы, убеждения, оберегаемые человеком не только от постороннего вмешательства, но и от любопытства. Как заметил В. Шекспир, «добродетель нуждается в оправдании». Они формируют *Я*-концепцию – хранитель чувства собственного достоинства, гордости и чести. Прикосновение к ним чрезвычайно болезненно. На всякий случай человек оберегает их и от испытаний, не без оснований полагая, что те могут оказаться им не под силу.

Типичный пример стечения обстоятельств, когда нагрузка падает на ядро личности – оказаться в обстановке, где правит социальная стихия и играть роли бессмысленно. В обыденной жизни это подростковая группа, для некоторых – казарма, в исключительных случаях тюрьма. Недаром, когда стиль общения определяет лозунг «не верь, не бойся, не проси», а прошлые заслуги не в счет, сохранить лицо удастся далеко не каждому.

Взаимодействуют же с окружающей средой образы и роли, созданные воображением и не лишённые элемента игры. Их сцепление с ядром личности не одинаково. Есть устойчивые

образования, верность которым человек старается хранить постоянно и реагирует обидой и гневом на сомнения в искренности его чувств. «Привычка свыше нам дана / замена счастию она». Есть менее стойкие, требованиям которых следуют лишь частично и в обстоятельствах, к тому располагающих. Есть роли-эксперименты, где человек не чувствует ответственности, из них вытекающей. Все три, будучи произведением разумной воли и продуктом воспитания, составляют некий образ человека в глазах окружающих, где есть как бы три оболочки – для себя, для других, для обмена, соприкосновение с которыми вызывает эмоциональные переживания разной степени выраженности.

Но в нашем изложении специфика внутреннего мира взрослого человека не очень актуальна, так все комплексы, связанные с социальным отчуждением, к этому времени обычно сформированы, а психология опустившихся в социальном отношении людей, не имеющих к тому предрасположения, не входит в задачи, которые мы ставили перед собой, начиная книгу.

Глава 2. Социальное отчуждение и патогенез

Люди с недостатками усваивают социальные нормы не в полном объеме.

Г. М. Дистль

Равенство в озможностей можно провозглашать, но невозможно достичь, так как его в природе не бывает. И в зависимости от того, какие требования и ожидания цивилизация предъявляет к человеку, феномен ограниченных возможностей выглядит по-разному.

В доисторическую эпоху, когда природосообразные нравы позволяли устранять все дефективное или утратившее пользу, отчуждение выглядело **как простое уничтожение**. Л. Демоз в своей книге «Психоистория» приводит множество фактов детоубийства не только в древности, когда жизнь новорожденного начиналась лишь с момента, когда вождь давал знак поднять его с земли (насколько при этом он руководствовался жизненным опытом или суеверием – луна не в той фазе, деревья не так качаются и т. п. – сказать трудно), но и в более поздние времена. Что касается стариков, думается, никто не возьмет на себя смелость утверждать, что ритуальное убийство внуком бабушки, достигшего определенного возраста (внук за общим столом засовывает в дыхательное горло деду кость с комком жира на конце), окончательно изжило себя на нашей территории в очагах первобытнообщинного уклада жизни. Да и в других странах есть соответствующие примеры. По словам Г. Павловского, в современном Парагвае социально неустроенных женщин подвергали стерилизации. Ну и закон «О недопущении наследственно отягощенного потомства», принятый в Германии в 1933 г., когда фашизм еще только начинал захватывать социальное пространство, не следует забывать. Причем сказать однозначно, что было основанием для лишения человека права на существование в столь разных ситуациях, наверное, просто невозможно. Скорее всего, действовал некий общий подход вроде того, как его сформулировал один из героев рассказов И. Бабеля: «Скажи мне, чекист, ну зачем нужен этот человек при новой жизни?».

С развитием цивилизации признаки социальной дезадаптации, обуславливающие необходимость социального ограничения, сместились в сферу гражданского оборота. Согласно Римскому праву это было неразумное распоряжение собственностью. Расточители (младенцы, престарелые, безумные, пьяницы, азартные игроки, женщины – в разной редакции законов в последующие эпохи) подлежали **опеке**. Постепенно этот социальный институт сократил свое пространство и ныне распространяется на детей и душевно больных людей. Остальные недостатки перешли в разряд социально приемлемых индивидуальных различий.

В Средние века возобладали **отчуждение от социума** тех, кто своим сумасбродством «угнетал» быт населения. На них распространялись меры административного порядка, сочетающие ограничение и признание в разной пропорции. Если ущерб от природы преобладал, человека изолировали в учреждения социального обеспечения, если доминировали паразитические наклонности, присущие личности, использовали принудительный труд в «рабочих домах» или на «стройках народного хозяйства». *«Решительным образом возбраняем и воспрещаем всем лицам обоего пола, всякого возраста и происхождения, любого звания и состояния, каковы бы они ни были, здоровые либо увечные, больные либо выздоравливающие, излечимые или неизлечимые, просить милостыню в городе Париже и в предместьях оного, в церквях, на паперти, у дверей домов, на улице и в любом ином месте, явно и тайно, днем и ночью... те, кто нарушит сие воспрещение, для первого раза будут биты кнутом, для второго же, буде то мужчины или мальчики, то сосланы на галеры, буде женщины или девушки, то изгнаны из города»,* – приводит М. Фуко выдержку из эдикта 1656 г. В нашем отечестве можно сослаться на указы Ивана Грозного о *«переписи прокаженных и престарившихся, которые оказались*

меж дворов, для богаделен мужских и женских», Екатерины II о «богадельнях для увечных, убогих, престарелых, неизлечимо больных, сумасшедших, а для бродяг обоего пола – работные дома».

По мере того, как рабочая сила превращалась в товар, который, с одной стороны, обеспечивал человеку независимость, а с другой – ставил предел трудоспособности и возможности социальной адаптации, на первый план выходят представления об *инвалидности*. Поначалу речь шла просто о выживании за счет казны по линии социального обеспечения тех, кто болен или стар. Да и в наше время закон «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» от 1995 г. не делает этого различия. Однако научно-техническая революция, открывшая новые перспективы трудиться даже при минимальных возможностях, позволила от прежней тактики (уничтожение, изоляция, выживание) перейти к концепции достойного образа жизни. Конвенция ООН «О профессиональной занятости инвалидов» от 1983 г. и «Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов» от 1993 г. определяют рамки для «полного участия» инвалидов в социальной жизни и процессе развития. В нашей стране закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» подтверждает намерение следовать мировым стандартам.

В XX веке на первый план вышла *неконкурентоспособность*. Так называемые disability – лица с ограниченными возможностями – в силу психических недостатков оказались под угрозой остаться на обочине прогресса. Общество, семья и государство должны были смириться с тем, что на их социальную адаптацию приходится затрачивать определенные средства (материальные и духовные), хотя бы из соображений профилактики отклоняющегося поведения, ущерб от которого бывает, как правило, значительно чувствительней. Это наша психологическая реальность, и на ней мы сосредоточим основное внимание.

Иначе мыслящие

Во-первых, это неспособность к отвлеченному мышлению, обозначаемая как *умственная отсталость*. В крайних вариантах она представляет собой врожденное слабоумие (олигофрению), где недоразвитый интеллект не позволяет человеку вступать с собой в коммуникацию (отсутствует самосознание) и формирование личности останавливается на стадии ролей-функций. Обучением и воспитанием таких детей занимается дефектология, а их социальным устройством – службы социальной защиты населения. Законодатель приравнивает таких людей к душевно больным (предки называли их существовыми). Более легкие недостатки интеллекта выглядят как житейская глупость. П. Б. Ганнушкин использовал термин «конституционально глупые», отмечая, что *«подобного рода люди иногда хорошо учатся (у них сплошь и рядом хорошая память), когда же они вступают в жизнь, когда им приходится применять знания к действительности, проявлять инициативу, – они оказываются совершенно бесплодными. Они «умеют держать себя в обществе», говорить о погоде, говорить шаблонные, банальные вещи, но не проявляют никакой оригинальности (отсюда выражение – салонное слабоумие). Они хорошо справляются с жизнью в определенных, узких, давно устоявшихся рамках домашнего обихода и материального благополучия. С другой стороны, сюда относятся и элементарно простые, примитивные люди, лишенные духовных запросов, но хорошо справляющиеся с несложными требованиями какого-нибудь ремесла; иногда без больших недоразумений работающие в торговле и даже в администрации»*¹⁸.

Во-вторых, заблуждающиеся люди, когда мысль сама по себе становится источником эмоциональных переживаний. В отличие от обычного склада психики, где мысль используется главным образом для обслуживания чувств и воли (обеспечивает достижение цели), воображение начинает отодвигать реальность из системы ценностных смыслов. В нормальном состоянии мечтательность как свойство характера не препятствует адаптации, придавая мироощущению лишь своеобразный колорит. Увлеченные натуры всегда идут на ощутимые жертвы в стремлениях, не приносящих реальных выгод и не понятных окружающим. Нарастающая чуждость создает известный барьер отчуждения между человеком и обществом, где мир впечатлений ценят больше, чем мир представлений. Если же к чувствам присоединяется и воля, мысль может стать источником целеполагания. Тогда речь идет о так называемой сверхценной идее.

«Вся личность согласуется со сверхценной идеей, отдавая ей добровольно всю имеющуюся у нее психическую энергию; личность растворяется в идее, отождествляется с ней, идея является ее ядром и вершиной. В отличие от комплекса (навязчивости), когда человек старается побыстрее отделаться от него, сверхценная идея собирает в наименьшей точке наибольшую силу. Все укладывается концентрически вокруг нее и направлено на нее. Все мысли с ней соотносятся. Она выбирает из имеющегося в ее распоряжении материала только те наблюдения и воспоминания, которые ей подходят и могут быть обращены в ее пользу, все же, что не имеет для нее цены или ей противоречит, исключается из сознания и не находит отзвука». В частности, продолжает Э. Кречмер, *«в таких профессиях, как учитель, где обнаруживается резкий контраст между энергичным стремлением к высоким целям и недостатком внешнего признания, особенно легко развиваются параноические тенденции»*¹⁹.

Увлекающийся чересчур посвящает служению идее слишком много сил, но это работа над собой. В чем-то продуктивная. Как заметил З. Фрейд, творческая натура не нуждается в поощрении. Ее успех всегда случаен. Если на идею приходится спрос – чужак становится пророком, но чаще всего ему приходится утешать себя тем, что потомки окажутся более про-

¹⁸ Ганнушкин П. Б. Избранные труды. М., 1964.

¹⁹ Кречмер Э. Медицинская психология. СПб., 1997.

нищательными, нежели современники. В тех случаях, когда чувства, порождаемые мыслью, объединяются с волей, стремление воплотить идею в реальность делает человека одержимым. И чем энергичнее его усилия, тем больше у окружающих сомнений относительно источника такой спонтанности. Время от времени фанатичных неконформистов, ярых реформаторов, убежденных ниспровергателей основ причисляли к выразителям неличностной воли. Предки склонялись к мнению о нечистой силе и изгоняли ее, как умели. Современники предпочитали объяснять такие формы дезадаптации патогенезом и применяли методы коррекции поведения, основанные на фармакологическом (а то и психириургическом) вмешательстве. Но с течением времени общество все-таки решило, что, пока человек осознает мотивы своих поступков, его не следует считать ненормальным.

О помешательстве речь идет лишь в тех случаях, когда мышление отрывается от реальности и существует как наитие, откровение, игнорирующее жизненный опыт, но это тема отдельного изложения, которое увело бы нас слишком далеко в сторону.

В-третьих, и это главное для нас, иным может быть сам *способ мыслить*, что делает человека чужим в обыденной жизни, когда нет нужды привлекать дефектологов и психиатров, а достаточно сопоставить способ мироощущения в рамках обыденного здравого смысла и житейского опыта. Л. Леви-Брюль называл такое мышление «пра-логическим». *«Деятельность людей с такой организацией мышления определяется сознанием, слишком малодифференцированным для того, чтобы можно было в нем самостоятельно рассматривать идеи или образы объектов независимо от чувств, эмоций и страстей, которые вызывают эти идеи и образы. То, что считается у нас собственно представлением, смешано у них с другими элементами эмоционального или волевого порядка, окрашено, пропитано ими, предполагая, таким образом, иную установку сознания в отношении представляемых объектов. Коллективные представления этих людей совершенно иные, нежели наши понятия. Они не являются продуктом интеллектуальной обработки в собственном значении этого слова... Сила коллективных представлений и существующих между ними ассоциаций столь велика, что самая впечатляющая очевидность совершенно бессильна против нее в то время, как взаимозависимость необычайных явлений служит объектом непоколебимой веры. В обществах, где преобладает первобытное мышление, оно непоколебимо для опыта»²⁰.*

Зона умственной отсталости, пространство которой располагается между олигофренией и более или менее условными отклонениями от общепринятых стандартов, представляет собой своеобразную форму отставания в развитии, феномен которой определяется культурой и цивилизацией. Например, архаичный способ мышления в природосообразно устроенном обществе вполне адекватен, тогда как в наших условиях он если и приемлем, то в довольно узких рамках бытия, а в школе может обеспечить разве что посредственные оценки на невысоком уровне образования. Недаром социальные проблемы сосуществования народов с разным укладом жизни часто возникают именно в сфере обучения и воспитания подрастающего поколения.

По данным Всемирной организации здравоохранения ООН, 3 % детей рождаются умственно отсталыми, а 10 % должны быть отнесены к пограничной умственной отсталости, не препятствующей социальной адаптации, но создающей серьезные затруднения в учебе и овладении профессией.

Естественно, чем больше общество и государство озабочено умственным развитием населения, тем глубже его феноменология изучается научно, но не следует забывать, что мотивы политического, социального и административного свойства влияют на соответствующие оценки и классификации. В частности, в нашей стране роль и значение психологии, педагогики и клиники в оценке умственной слабости сильно зависели от позиции властей и поли-

²⁰ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.

тических режимов. Так, констатируя, что «торжество демократического принципа выдвигает вопрос образования на первый план среди принципов государственного устройства», реформаторы XIX века в России отмечали, что «у нас, где дело народного просвещения находилось в руках церкви, к нему относились подозрительно, как причине шатания веры. По выражению регламента духовной коллегии, «свободная мысль воню безбожия издает из себя»». Во всяком случае, к концу XIX века число неграмотных призывников на военную службу в России составляло 69 %, а во Франции – 4 %. И это несмотря на то, что после отмены крепостного права среди принципов народного образования (бесплатность, доступность, обязательность) третьему отдавали явное предпочтение и даже устанавливали своеобразную «школьную повинность» для крестьянских детей, которых родители отвлекали для домашних работ.

При советской власти в оценке отклонений умственного развития был сделан крен в сторону олигофрении, чему тоже были причины непсихологического свойства. Поначалу заботы об «умственно отсталых и морально дефективных» (по терминологии 20-х годов XX века) были возложены на Наркомат социального обеспечения в сотрудничестве с наркоматами просвещения и здравоохранения, но вскоре обнаружилось, что в столь сложном деле молодое государство еще не разбирается. Сферу социального обеспечения пришлось отдать политическому управлению, включившемуся в решение вопроса о государственном попечении подрастающего поколения, а у просвещения отобрать педологию в связи с разгулом педагогической дискриминации в отношении малоодаренных и плохо воспитанных детей. Медицина с ее традициями, неподвластными конъюнктуре текущей истории, казалась более надежной. Врачи сделали ответственным за «медико-педагогическую» диагностику в комплектовании учреждений дефектологической ориентации. Естественно, процент олигофрении начал расти в статистике вариантов умственной отсталости, чему способствовал фактор административной зависимости врача от системы здравоохранения. Дело в том, что участковый врач обязан был иметь на учете определенное количество пациентов (норматив в те годы составлял около 600–700 человек). Для врача, обслуживающего взрослое население, ничего не стоило увеличить число вдвое, так как наркологией тоже занималась психиатрия. Но детский психоневролог попал в сложное положение. Дети психически болеют редко, и набрать их количество в соответствии с нормативом на своем участке невозможно. Нужно было либо увеличивать территорию обслуживания до невероятных размеров, либо искать пациентов на стороне. В поисках рационального выхода из положения врачи взяли на диспансерный учет воспитанников вспомогательных школ. А дальше начал работать принцип любой формализованной системы – количество объектов стали подгонять под контрольные цифры. Постепенно общество и государство перестали принимать медико-педагогическую диагностику всерьез. Вечерние школы доучивали выпускников вспомогательных школ без особых проблем. Олигофренов стали даже призывать на военную службу. Потребовалось более полувека, пока ситуация не исчерпала себя социально, морально, политически и административно. Преодолев отчаянное сопротивление врачей, ни за что не желающих упускать диагностику умственной отсталости из своих рук, государство передало ответственность психологам (комиссия нынче называется психолого-медико-педагогической), понимая, что клинический подход не обеспечивает успеха социальной реабилитации в целом и должен занять свое скромное место в проблеме, решение которой гораздо больше зависит от правильной организации реабилитационного дела. Но и сегодня процесс размежевания сфер компетенции между смежниками и партнерами еще не завершен. Привычка мыслить и оперировать симптомами, а не критериями адаптации, сформировала ментальность, нацеленную на дефект, а не на сильные стороны психики, опираясь на которые можно преодолеть имеющиеся недостатки. С этим приходится считаться.

Но в любом случае примитивный склад ума влияет на мироощущение в целом.

Страх – постоянный спутник умственно отсталого человека. Как сформулировал В. Рожнов в главе «Психическая травма» своего руководства по психотерапии, «стресс

от неопределенности и стресс от неупорядоченности», когда тягостная неуверенность, создаваемая «этим новым», которое «не вписывается в рамки знакомых форм поведения, может выступать как своеобразный травмирующий психологический фактор... У некоторых в быту, в повседневном режиме, в конкретной окружающей обстановке, а у других – в области идеологии, мировоззрения, этических норм, личностных индивидуальных отношений». С учетом советской лексики сказанное можно интерпретировать как установку на страхи, порождаемые необычной ситуацией (внешние, информационные) и опасением когнитивного диссонанса, когда новое противоречит ценностно-ролевому в личности, из-за чего к тому, что человек не верит среде, присоединяется неуверенность в самом себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.